

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-148-154

УДК 811.133.1 (075.8)

**ПРОСТРАНСТВО КАК ОБРАЗ:
РОССИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ИГОРЯ ЧИННОВА**

© Зоя Афинская

SPACE AS IMAGE: RUSSIA IN IGOR CHINNOV'S WORKS

Zoya Afinskaya

Imaginative perception of the world is the study subject of one of the current areas of cultural linguistics – imagology, which suggests synergy and harmonious unity of the physical, intellectual and spiritual spaces of the surrounding world. The relevance of the study is justified by the need to recreate the image of Russian culture in its entirety. The study of the topic “the space of Russia as an image” involves the understanding of the contribution, made by the poetry of the Russian Diaspora to this process exemplified by the work of Igor Chinnov (1909–1996). The purpose of the article is to consider the significance of poetry as a special cultural space, where images and themes have both an emotional and intellectual impact on society, and explore interactions between culture and space in the formation of a poetic image. The task is to clarify the concepts of “the image of space” and “the space of image” in the poetry of Igor Chinnov, based on the analysis of the features of the cultural identity formation, memories and the role of language in this process. The conclusions confirm the hypothesis that the work of the emigrant poets, although often oriented towards the images of lost spaces, allows, however, recreating Russian culture in its entirety.

Keywords: culture, poetry, image, memories, native language.

Образное восприятие мира является предметом изучения одного из актуальных направлений лингвокультурологии – имагологии, которая предполагает синергию и гармоническое единство физического, интеллектуального и духовного пространства окружающего мира. Актуальность исследования обоснована необходимостью воссоздать образ русской культуры во всей его полноте. Изучение темы «Пространство России как образ» предполагает осмысление вклада поэзии русского зарубежья в этот процесс на примере творчества Игоря Чиннова (1909–1996). Цель статьи состоит в том, чтобы рассмотреть значение поэзии как особого культурного пространства, где возникают образы и темы, которые оказывают не только эмоциональное, но и интеллектуальное воздействие на общество, а также рассмотреть взаимодействие культуры и пространства в формировании поэтического образа. В качестве задачи предполагается уточнить понятия «образ пространства» и «пространство образа» в поэзии Игоря Чиннова на основе анализа особенностей формирования культурной идентичности, воспоминаний и роли языка в этом процессе. Выводы подтверждают гипотезу о том, что творчество поэтов-эмигрантов, хотя и обращенное к образам нередко утраченных пространств, позволяет, однако, воссоздать русскую культуру в ее полноте.

Ключевые слова: культура, поэзия, образ, воспоминания, родной язык.

Несмотря на то что Игорь Чиннов является одним из наиболее крупных и интересных поэтов русского зарубежья, он был открыт широкой публике в России сравнительно недавно. Так, в 2019 году в ИМЛИ РАН состоялась первая международная конференция «К 110-летию Игоря Чиннова. Русская эмиграция в послевоенные годы. Две волны: притяжения и отталкивания». Задача статьи состоит в том, чтобы на примере

творчества Игоря Чиннова уточнить значение поэзии эмиграции как источника формирования образа пространства России.

Образное восприятие мира является предметом изучения одного из актуальных направлений лингвокультурологии – имагологии (Н. Ф. Алефиренко, Ю. Н. Караулов, Т. Ю. Загряжская, Д. Н. Замятин, О. А. Лавренова, Ю. С. Степанов, В. В. Воробьев и др.), являющейся объектом изу-

чения лингвистов и культурологов, опирающейся на синергетическое «раскрытие универсальных механизмов самоорганизации и эволюции сложных лингвокультурных систем ценностно-познавательного характера» [Алефиренко, с. 202].

Физическое, ландшафтное и ментальное пространства взаимосвязаны в восприятии человека и составляют основу его памятных мест. В памяти, согласно Ю. С. Степанову, «витают идеи, образы, сцепляющие в ряды, в объемы; пространства, где царят также звуки, то гармоничные, то созвучные нашей душе; пространство, куда мы входим и должны войти осторожно, чтобы не повредить его (как вредит истокам русских рек повреждение леса), где тысячи сущностей, подобно тонким шелковым лентам или ветвям деревьев, прикасаются к нам со всех сторон. Наконец, пространства, где – что бы мы ни сказали, какую бы идею ни выразили, какой бы образ ни создали – всему тотчас найдется отклик в идеях, образах, мыслях, уже ранее нас возникших и отзываются на наши тихим, но гармоничным созвучием» [Степанов, с. 41].

В структуре поэтического образа синтезировано духовное «я» поэта, его представление о мире, идеалах красоты в окружающем мире, выраженные – самое главное – на родном языке, который служит не только средством формулирования мыслей, смыслов, идей, ощущений. Он – единственная возможная субстанция для реализации поэтических образов. Поэт, будучи творцом эмоциональной информации, одновременно и ее транслятор другому (по Бахтину), своему собеседнику (в высоком смысле этого слова), без идейного общения с которым невозможен поэтический посыл в виде текста.

Однако то, что кажется ясным и логичным (родной язык – одна из основ родной культуры), обретает сложную конфигурацию в условиях эмиграции – тем более вынужденной, в которой оказались русские люди в результате революции 1917 года. Поэт творит в условиях бикультуры и билингвизма: бытовое общение проявляет себя преимущественно на чужом языке, а творчество может развиваться только на родном языке. Происходит резкая перестройка естественной (вернакулярной) культурной среды – ради выживания в чужом и чуждом окружении поэт должен вписаться в иное социально-культурное и языковое пространство. Однако поэты, для которых родной язык утрачивает свою коммуникативную бытовую функцию, но сохраняет изначальное эмоциональное и образное пространство, по-прежнему черпают в нем лексические ресурсы, темы и смыслы в надежде обретения об-

щения со своим читателем. Драматизм противоречий между обыденной культурой на чужом языке и творчеством на родном языке состоит в том, что, как писал М. Бахтин, «поэт не может противопоставить своего поэтического сознания, своих замыслов тому языку, которым он пользуется <...> И о чужом поэт говорит на своем языке» [Бахтин, 1972, с. 85]. Поэтическое слово «вплетено в невысказанный контекст жизни <...> Ведь поэт выбирает слова не из словаря, а из жизненного контекста, где они отстоялись и пропитались оценками» [Бахтин, 2019, с. 159]. Поэт, по М. Бахтину, все время работает с сочувствием, с согласием своего читателя на родном для них языке или, напротив, с его несогласием в отношении эмоционального контекста поэтического произведения. На него возложена особая культурная задача: поэт должен рассказывать о своем восприятии жизни в надежде найти отклик в эмоциональном мире читателя, обогащая тем самым образное пространство родной культуры и языка.

«Бытие культуры, как пишет О. А. Лавренова, – есть постоянное порождение смыслов, которые трансформируются в символы-знаки, в культурные коды...» [Лавренова, с. 11]. Культура вмещает в своем пространстве и художественные образы, в основе которых лежит духовный мир языковой личности (в данном контексте – поэта как языковой личности), реконструированной «в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов, с. 3]. Духовный мир языковой личности закреплён в характерных текстах, которые выступают как ее своеобразные лингвокультурологические маркеры [Воробьев, с. 94], в ключевых словах-темах. Синергетическое значение слов-тем или слов-концептов состоит в том, что они, согласно Н. Ф. Алефиренко, создают коды культуры, которые, подобно некоей сетке, брошены на окружающий мир, категоризируют, структурируют и оценивают его [Алефиренко, с. 159].

Для эмигранта освоение чужой культуры, ее трансформация в естественное образное пространство – жизненно необходимое, но трудно выполнимое условие. Н. Ф. Алефиренко объясняет эту дилемму тем, что «заимствование из одной культуры в другую некоторого культурного явления оказывается возможным лишь на уровне рефлексивного слоя сознания (то знание, которое осознается), бытийный же образ сознания заимствованию не поддается...» [Там же, с. 157–158]. Серьезным препятствием на пути ассимиляции выступают источники образа национальной культуры. Концепты-образы, например, французской культуры (*grandeur, exception française*)

формировались в коллективном сознании французов главным образом общественными деятелями на протяжении нескольких веков и глубоко укоренились в нем, хотя и создают сложности общения с другими народами. Осознание собственного величия и исключительности, как это показано Т. Ю. Загряжиной [Загряжина], ограничивает концептуальное и образное пространство одной культуры и затрудняет ее диалог с «другими». Основа русской идентичности – русский язык в его великих литературных достижениях – оставался вне рамок «исключительности». Образы русской культуры формировались русскими поэтами, писателями, философами. Транслирование образного пространства русской культуры по французским образцам было обречено на неудачу. Русские эмигранты делали многое (выставки, кружки, театр, журналы) для сохранения русской культуры в эмигрантской среде и для ее трансфера в французское общество. Но эти усилия не оказывали заметного влияния [Lobodenko-Senani].

Интерес к творчеству поэтов русского зарубежья и, в частности, представителей «Парижской ноты» объясняется, помимо собственно литературного аспекта, еще и тем, что оно тесно связано с русской культурой. Реалии окружающего мира, с которыми сталкивается человек в повседневной жизни (предметы быта, за ними следуют места, где человек поселился, окружающая природа, поля и равнины, реки, озера, лес, город и др.) составляют в совокупности жизненное пространство каждого человека. Мы детерминированы тем жизненным пространством, которое становится в результате феноменом культуры не только индивида, но и народа, что позволяет говорить о русской картине мира. Бескрайние пространства, леса, степи и реки, суровая зима, холод, снега – все это черты образа России, которыми отмечен поэтический мир Игоря Чиннова.

В детстве мы не фиксируем в памяти признаки той естественной среды, которая нас формирует, – будь то деревня или город. Однако память об этой среде возникает благодаря культуре (живопись, литература, музыка, кино, образование), где создаются те реперные точки, которые нас объединяют. Поэзии в процессе создания образов, важнейших для каждой культуры слов-тем, принадлежит особо значимое место. На поэта, согласно М. Бахтину, возложена уникальная задача – рассказывать о своем эмоциональном восприятии жизни, которое может быть созвучно эмоциональному миру читателя [Бахтин, 2019, с. 159].

Образ России в контексте метагеографии подчинен таким словам-темам, как земля и небо, тело и душа, покой и воля, дом и дорога, свет и тьма, лес и степь: «Да и что есть Россия, – вопрошает культургеограф Дм. Замятин, – как не ледяная скользкая бесконечная плоскость, закрывающая землю и проникающая в само небо <...> Земля и небо в России близки... Небо рядом, оно здесь, у нас, в России» [Замятин, с. 40]. Особенный образ русского ландшафта – это его бесконечность, его земной простор и почти слияние с простором небес. Небо и земля, составляющие единую плоскость бесконечного пространства, способствуют созданию образа России. Ландшафт, по Д. Замятину, как «несомненный и явный географический образ» [Там же, с. 26] представляет собой синергетическую структуру, формирующую пространство, объединяющее разных представителей. Этот образ у всех разный и в чем-то един. Пространство русского ландшафта – река, в которой отражен храм, лес и поле, над которыми возвышается русский храм, – уникально и не может быть замещено другими образами, настолько сильно оно запечатлено в культуре русского народа. Этот ландшафт рождает разное мироощущение – от радости жизни в пушкинских строках («Зима. Крестьянин торжествует...»), «Мороз и солнце; день чудесный...») до отчаяния и грусти об утраченном у поэта-эмигранта:

«Но то, что сердце заставляет биться,
Напоминает отчий дом:
Места, где клен в сиянье золотится
На сельском кладбище пустом» [Чиннов, 1976, с. 44].

Архитектура чужих городов и окружающий ее пейзаж не становятся, как правило, источником вдохновения, а лишь поводом для воспоминаний о другом мире и времени, которые невозможно стереть из памяти:

«Сквозь буквы торговых фирм,
Сквозь дождь, сквозь дома Парижа,
Сквозь весь непрозрачный мир –
Другой рисунок я вижу» [Там же, с. 91].

Русский поэт в Париже остается путешественником, для которого еще значимы слова-темы, созданные русской культурой. Отсюда – желание вернуться в мир родного языка:

«Мне нужно вернуться за скрипом колодца, за криком детей у реки,
За плесом в тумане.
За плеском у сходней, за лесом у светлой реки,

За иволгой ранней, за ивой прохладной, за тихим дыханьем реки» [Чиннов, 1968, с. 47].

Процесс припоминания, по Мандельштаму, присущ самой жизни – его рост в виде расширяющегося пространства происходит по законам, которыми не владеет сознание, но от этого он не теряет своей энергии. Этот процесс, «увенчанный победой усилия памяти, удивительно схож с феноменом роста. И здесь и там – росток, зачаток – черточка лица или полухарактер, полужук, окончание имени, что-то губное или нёбное, сладкая горошина на языке, – развивается не из себя, но лишь отвечает на приглашение, лишь вытягивается, оправдывая ожидание...» [Мандельштам, с. 194] Память избирательна и непредсказуема в своих предпочтениях – она необъяснимо вновь воссоздает то, что, может быть, хотелось бы забыть навсегда:

«И почему-то получается,
Что не выветривается из памяти
Тот вечер у церковной паперти» [Чиннов, 1972, с. 78].

Поэт, рассказывая о своих воспоминаниях, попадает в пространство памяти многих. Поэтому его произведения воспринимаются как нечто близкое каждому из нас. Воспоминания о России связаны с ее просторами, вплоть до ощущения воздуха родины, который кажется особенным в сравнении с чужим пространством. Ландшафт России немыслим без неба:

«Сочетание в реке утиных теней
С отражениями русских церквей» [Чиннов, 1976, с. 77].

Революция и гражданская война коренным образом изменили не только личную жизнь русского человека, но всю так называемую топонимику – во исполнение декретов менялись прежние названия городов, улиц и переулков, сносились памятники архитектуры. Языковое пространство России, его историческое содержание подверглись революционным преобразованиям под воздействием идеологических взглядов социальных групп и отдельных личностей. Поэт также мысленно включился в этот урбанистический процесс, меняя (но только в своем воображении!) названия городов, связанных с тяжелыми воспоминаниями о революции и гражданской войне. Находиться в каком-либо месте или пространстве означает в определенной степени единение с ним, хотя и временное, и, следовательно, возможно под влиянием воспоминаний, переживаний, прочих эмоций придавать ему собствен-

ные названия, как правило, метафорические. В поэтическом мире Чиннова названия русских городов, переживших трагедию гражданской войны и жестоких конфликтов, наполнялись трагическими нотами и получали соответствующие названия:

«Не знают в уголовном розыске,
Что жили мы с тобою – в Божеске,
В Богочертовске, в Новодьявольске
(Кормились песенкой – о яблочке).
Что распевали „Вдоль по Питерской“,
Гуляя у снесенной Иверской,
Что жили в Райске, Адске, Ангельске
(Там снег белее, чем в Архангельске),
Что спали на снегу – на Витебской –
В Верхнеблаженске и Мучительске...» [Чиннов, 1972, с. 79].

Ландшафт существует с культурой в едином семиотическом пространстве. Исторические названия городов сформировали единое пространство культуры, которое обладает своей семиотикой и разрушить которое новыми названиями старых городов не удастся. Поэтому общество возвращает старые названия улиц, деревень, городов, стран. Языковые образы неразрывно вписаны в образы пространства. Если русская культура на протяжении XX века меняла свою социальную атрибуцию, получив статус социалистической и многонациональной, то для эмигрантов первой трети XX века, вынужденно в силу политических трагедий покинувших родину, корни их культуры всегда оставались русскими.

Жизнь в Париже не может стереть из памяти смыслы-символы России. Воспоминание об утраченном пространстве – физическом, материальном и эмоционально-эстетическом (в широком смысле этого понятия) – роднит поэта и его читателя, к которому он обращает свои впечатления:

«В Булонский лес заходишь в декабре:
Деревья в сизом, снежном серебре.
Ты видишь, в довершение картины, как будто наши,
русские рябины» [Чиннов, 1972, с. 76].

Париж, несмотря на то что Игорь Чиннов любил этот город, остался в его поэзии «незапечатленным» пространством. Ни величественная парижская архитектура, которую он ценил, ни сосредоточие лучших памятников искусства и литературы не становятся источником поэтического вдохновения Чиннова. Его Париж – это не про архитектуру, не про великолепие исторических памятников. Недаром Париж Чиннова сравнивали с парижской темой Бодлера: уличная толчея, одинокие ночные посетители баров в да-

леко не самых красивых кварталах города. Даже в своих воспоминаниях он не касается тех парижских адресов, где жили и встречались русские поэты. Только однажды в статье о том, каких поэтических идеалов и принципов придерживались поэты «Парижской ноты», он упоминает о Монпарнасе, где собирались кружковцы, традиционном, если не культовом, месте пребывания поэтов, художников, музыкантов всех стран. Поэты-эмигранты мечтали прославиться в Париже, в этом городе, воплощении их мечты о принадлежности к великому искусству. «Вы четверть века о нем мечтаете, – пишет Игорь Чиннов, обращаясь к русским поэтам. – Я мечтал чуть ли не столько же: и что же?» [Чиннов, 2002, с. 181]. Они не становились французами настолько, чтобы выразить дух этого города, как Бодлер, Аполлинер, Верлен и другие французские поэты. Русские поэты оставались чужими и непонятыми во Франции. Париж в эстетике русских поэтов XX века менял свой образ: ушли в небытие мечты о городе-*Lumière*, о возможности любоваться великими историческими памятниками, достижениями мировой культуры. Лучше всех, по мнению И. Чиннова, об атмосфере Парижа, в которой оказались русские поэты-эмигранты, сказал Георгий Адамович:

«Нет радостней судьбы – скитальцем стать,
И никогда ты к небу не был ближе,
Чем здесь, устав скучать,
Устав дышать,
Без сил, без денег,
Без любви,
В Париже...» [Там же, с. 112].

Париж в поэтике Чиннова остался незапечатленным пространством, чуждым миру его образ:

«В Булонский лес заходишь в декабре:
Деревья в сизом, снежном серебре...
Ты чувствуешь, острее с году на год,
Ту горечь терпкую (холодных ягод...)
И – рот кривишь...
От этого всего –
Оскомина и больше ничего» [Чиннов, 1972, с. 76].

В условиях эмиграции, когда русские вынуждены держаться друг друга, чтобы иметь хотя бы редкую возможность общаться на родном языке, язык необходим им как способ восприятия мира – родного и чужого. Именно в эмиграции ощущается сущность языка, по Хайдеггеру, как «дом бытия», как тот мир поэта, в котором, по словам Вяч. Вс. Иванова, «значим только его родной язык» [Иванов, с. 700]. Русский язык ос-

тается подлинным и единственным источником вдохновения, и, как говорил Чиннов:

«В честь вечности, и Данте, и Петрарки
Мы Пушкина читаем наизусть» [Чиннов, 1976, с. 28].

Поэзия Пушкина «переживается» (по Ю. С. Степанову) русскими поэтами как цельный образ, как идеал гармонии: поэзия Пушкина – это разговор с вечностью, ее чувственное пространство – «сладость нежная» – позволяет не замечать чужое (если не чуждое!) пространство, восстанавливает душевную гармонию. Бытие не равно месту проживания, оно становится неизмеримо больше, отразившись в памяти, языке и культуре.

Русский язык и образное пространство русской литературы на протяжении всего творчества служили Чиннову источником вдохновения. Эпиграфы из поэзии Истомина, Сумарокова, Лермонтова, Тютчева, Антиоха Кантемира, Слуцкого, Асеева, Вяч. Иванова, Анненского, Мих. Кузьмина, Мандельштама, Георг. Иванова, Кар. Павловой устанавливали символический диалог с русской культурой и создавали уникальное образное пространство поэзии Чиннова. Оно объемлет мудрость ученика Сергия Радонежского – Епифания Премудрого («...влечет мя на похваление и на плетение словес») [Там же, с. 6], а также многих русских и западноевропейских поэтов. Трагизм эмоционального пространства русской эмиграции («И срублен ты, как макков цвет, под корень» [Чиннов, 1972, с. 19]) ступевывается и одновременно обостряется пошлой песенкой капитана Лебядкина из «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского.

Использование эпиграфов – одна из примечательных черт поэтических произведений Игоря Чиннова. В них обозначается главная тема стихотворения, тот мотив и тот образ, которые послужили «отправной точкой» творческого процесса. Устанавливается своего рода диалог двух авторов, двух поэтических языков. Знакомство с «чужим» поэтическим миром служит мотивом нового стихотворения. Таким образом, эпиграф, во-первых, расширяет образное пространство произведения и, во-вторых, устанавливает диалог между поэтами, с одной стороны, и между поэтом и читателем, с другой. В эпиграфах у Чиннова можно встретить имена великих европейских поэтов: немецких (G. Benn, H. Arp, St. George, Fr. Hölderlin, Rilke), английских (L. Darrell, W. B. Yeats, E. Pound, W. H. Auden, A. E. Housman), французских (Apollinaire, Laforgue, Breton, P. Valéry, Mallarmé). Столь обширный

список поэтов, чьи образы послужили «отправной точкой» для стихотворений Чиннова, говорит о его широкой литературной эрудиции, о том, что мировая поэзия служила источником вдохновения и рождала образы, созвучные мотивике его поэзии.

Заключение. Тема «Поэзия эмиграции как источник образа России» представляет научную значимость. На протяжении длительного периода в творчестве русских эмигрантов замечали в основном мотивы ностальгии. Более широкое знакомство с ним позволяет увидеть всю русскую культуру в ее сущностном выражении. Речь идет о едином пространстве, которое вмещает неизмеримый в физических координатах духовный мир поэта. В нем значимы и не стираются из памяти голоса и лица родных, знакомых и просто «встречных» людей, а также ландшафтное пространство России с его реками, озерами, лесами и полями, городами и полустанками. Это пространство наполнено воспоминаниями об утраченном мире, в который хочется вернуться и который страшит своей отчужденностью.

Поэты, участники «Парижской ноты», обогатили русскую языковую личность образами пространства-памяти. Значение литературы эмиграции, ее историческая значимость состоит в том, что она показывает единство мировосприятия русских независимо от политических убеждений. Дело не в том, что у русской и французской культур разная концептуальная основа (с большой долей политических ценностей, с одной стороны, и преимущественно образная, с другой). Образ русского пространства является, по сути, тем главным смыслом, который объединяет русский мир. Проведенное исследование позволяет выявить патриотическое восприятие России у поэтов «Парижской ноты», созвучное настроению современного общества.

Список литературы

- Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. 2-е изд. М., 2010. 288 с.
- Бахтин М. Антропологистика: избранные труды. М.: Лабиринт, 2019. 255 с.
- Бахтин М. Слово в поэзии и в прозе // Вопросы литературы. 1972. № 6. С. 54–86.
- Воробьев В. В. Лингвокультурология: Монография. М.: РУДН, 2008. 339 с.
- Загряжская Т. Ю. Франция и франкофония: язык, общество, культура. М.: изд-во Московского университета, 2015. 248 с.
- Замятин Д. Н. В сердце воздуха. К поискам сокровенных пространств: Эссе. СПб.: изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.

- Иванов Вяч. Вс. Русская диаспора: язык и литература // Избр. труды по семиотике и истории культуры. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. 880 с.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. седьмое. М.: URSS, 2010. 264 с.
- Лавренова О. А. Пространство и смыслы: Семантика культурного ландшафта. М.: Институт Наследия, 2010. 330 с.
- Мандельштам О. Шум времени. М.: Вагриус, 2002. 306 с.
- Степанов Ю. С. КОНСТАНТЫ: Словарь русской культуры. Изд. 3-е испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
- Чиннов И. Композиция. Париж: Рифма, 1972. 118 с.
- Чиннов И. Метафоры. Нью-Йорк: Новый журнал, 1968. 51 с.
- Чиннов И. Пасторали. Париж: Рифма. 1976. 106 с.
- Чиннов И. В. Собрание сочинений в 2 томах. Т. 1. М.: ЗАО «Согласие», 2002. 350 с.
- Lobodenko-Senani K. Korliakov Andrei, Culture russe en exil, Europe 1917–1947 // Revue européenne des migrations internationales. Vol. 30 (1). P. 155–156. URL: <https://journals.openedition.org/remi/6710> (дата обращения: 05.02.2021).

References

- Alefirenko, N. F. (2010). *Lingvokulturologiia: tsennostno-smyslovoe prostranstvo iazyka: ucheb. posobie* [Cultural Linguistics: A Value-Semantic Space of Language: A Textbook]. 2-e izd. 288 p. Moscow. (In Russian)
- Bakhtin, M. (2019). *Antropolingvistika: izbrannye trudy* [Anthropo-linguistics: Selected Works]. 255 p. Moscow, Labirint. (In Russian)
- Bakhtin, M. (1972). *Slovo v poezii i v proze* [Word in Poetry and Prose]. *Voprosy literatury*. No. 6, pp. 54–86. (In Russian)
- Chinnov, I. (1972). *Kompozitsiia* [A Composition]. 118 p. Parizh, Rifma. (In Russian)
- Chinnov, I. (1968). *Metafora* [Metaphors]. *N'iu-Iork, Novyi zhurnal*, 51 p. (In Russian)
- Chinnov, I. (1976). *Pastorali* [Pastorals]. 106 p. Parizh, Rifma. (In Russian)
- Chinnov, I. V. (2002). *Sobranie sochinenii v 2 tomakh* [Collected Works in Two Volumes]. Т. 1. 350 p. Moscow. ЗАО “Soglasie”. (In Russian)
- Ivanov, Viach. Vs. (2000). *Russkaia diaspora: iazyk i literatura* [Russian Diaspora: Language and Literature]. *Izbr. trudy po semiotike i istorii kul'tury*. Т. 2. 880 p. Moscow. Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian)
- Karaulov, Yu. N. (2010). *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost* [Russian Language and Linguistic Personality]. *Izd. sed'moe*. 264 p. Moscow. URSS. (In Russian)
- Lavrenova, O. A. (2010). *Prostranstvo i smysly: Semantika kul'turnogo landshafta* [Space and Meanings: Semantics of the Cultural Landscape]. 330 p. Moscow. Institut Naslediiia. (In Russian)
- Lobodenko-Senani, K. *Korliakov Andrei, Culture russe en exil, Europe 1917–1947* [Korliakov Andrei, Russian Culture in Exile, Europe 1917–1947]. *Revue*

européenne des migrations internationales. Vol. 30 (1), pp. 155–156. URL: <https://journals.openedition.org/remi/6710> (accessed: 05.02.2021). (In French)

Mandel'shtam, O. (2002). *Shum vremeni* [The Noise of Time]. 306 p. Moscow. Vagrius. (In Russian)

Stepanov, Iu. S. (2004). *KONSTANTY: Slovar' russkoi kul'tury* [CONSTANTS: The Dictionary of Russian Culture]. Izd. 3-e ispr. i dop. 992 p. Moscow. Akademicheskii proekt. (In Russian)

Vorob'ev, V. V. (2008). *Lingvokul'turologiia: Monografiia* [Cultural Linguistics: A Monograph]. 339 p. Moscow. RUDN. (In Russian)

Zagriazkina, T. Iu. (2015). *Frantsiia i frankofoniia: iazyk, obshchestvo, kul'tura* [France and Francophonie: Language, Society, Culture]. 248 p. Moscow, izd-vo Moskovskogo universiteta. (In Russian)

Zamiatin, D. N. (2011). *V serdtse vozdukha. K poiskam sokrovennykh prostranstv: Esse* [In the Heart of the Air. Towards the Search for Intimate Spaces: Essays]. 416 p. St. Petersburg, izd-vo Ivana Limbakha. (In Russian)

The article was submitted on 15.02.2021
Поступила в редакцию 15.02.2021

Афинская Зоя Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
119192, Россия, Москва,
Ломоносовский просп., 31, корп. 1.
afin-zn@mail.ru

Afinskaya Zoya Nikolaevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Moscow State University
named after M. V. Lomonosov,
31, Korp.1 Lomonosovsky Prosp.,
Moscow, 119192, Russian Federation.
afin-zn@mail.ru